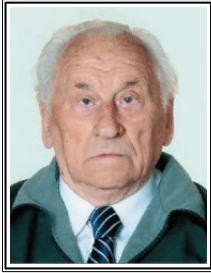


РАЗМЫШЛЕНИЯ



Пётр СИМУШ

Доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора философии культуры.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: simush@inbox.ru

ВЕРШИННАЯ ДИАЛЕКТИКА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: КАКОЙ ЧЕЛОВЕК ВОЗЗЫВАЕТСЯ СЕЙЧАС?

В статье представлена концепция человечности в рамках диалектической теологии Ф.М. Достоевского. Она раскрывает действие человека либо хорошо, либо худо и обращена к Абсолюту, требующему правильности выбора.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, человечность, Абсолют, изоморфная идея России, двоякая природа священного, атеизм, сакральная функция правильности, выбор, природа человека, диалектическая теология человечности

Кто же он, Фёдор Достоевский?

Историческая таинственность России включает в себе самого глубокого сверхчеловека, довольно трудного по части его постижения. Внутренний мир его исключительно сложен. Из собственной души Достоевский выпалывал сорняки, доказывая, что «силён может быть один человек». В своих высказываниях провидец признавал, что в мыс-

лях и поступках личности скрыто бесчисленное множество разветвлений. Таков был и есть величайший писатель – психолог, открывший новое знание о каждом из нас.

Любопытные взгляды на самого Ф.М. Достоевского мы находим на страницах научно-популярного журнала «Историк» [23]. Он – самый сложный русский классик. Фёдор Достоевский – пророк среди классиков, который постигал мир и одновременно сотворял новое мироздание «через горнило сомнений». Поэтому его политические и философские взгляды качественно менялись. Должен откровенно сказать, что у меня уже нет сил перечитывать вновь всего Достоевского [9].

Представляю себя школьником, начинающим читать один из самых великолепных романов русской словесности. С простого описания начинается «Преступление и наказание»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» [19, с. 5].

Телефильм «Идиот» напоминает нам о романе, в котором автор изображает «вполне прекрасного человека». И он, Алёша Карамазов, станет, по замыслу Достоевского, «царевубийцей». Почти святой Алёша, прожив ещё полвека, мог почтить тени мёртвых в народной душе. Погибшие непонятно за что в Первой мировой войне вызвали бы боязнь в Алёшиной душе, и он чутко прислушивается к смыслу молчания погибших...

Достоевский признавался в невероятной трудности видеть эволюцию идеала. Ведь таковым изображали и царя Николая II, изображают и по сей день, не задаваясь вопросом: «За что же погибло полтора миллиона россиян?».

Благодаря гениальному уму Достоевского имена ряда его персонажей стали нарицательными. Пожалуй, самый известный из них – лакей Павел Смердяков из романа «Братья Карамазовы». Идейнными обобщениями преобладают в нашей жизни термины «лакейство» и «смердяковщина».

Ф.М. Достоевский предрекал трагизм XX века в «Бесах». По выражению автора, это самый политический и самый «тенденциозный» роман-памфлет. Он стал произведением провидческого характера и в силу этого обстоятельства был под негласным запретом в СССР.

Я вновь перечитал «Дневник писателя» – «Отчёт о виденном, слышанном и прочитанном» [6, с. 809]. И меня, как и его составителя, охватила не только «тоска по текущему», но и радость почувствовать «живую жизнь» и «жизнь жизни». Великолепная публицистика Достоевского не может не возбуждать остроту чувств.

Примечательны слова публициста о Западе, который не может «...ни как нас *своими* признать. <...> ...Несмотря на то, что наши “русские европейцы” изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать...» [6, с. 801].

Только ли Ф.М. Достоевский – гениальный писатель-художник и публицист? Он и пророк. Кто ещё?

Отечественный изоморф: что дарит Родине?

Что Фёдор Михайлович в чём-то выше других классиков, я сообразил полвека назад в Ленинграде. Мне посчастливилось пережить потрясение от увиденного на сцене БДТ. Там великий режиссёр Г.А. Товстоногов поставил «Кроткую» и «Идиота». В первой постановке играл превосходный Олег Борисов, во второй потрясал зрителей Иннокентий Смоктуновский. Гениальным артистам удалось поднять автора пьес на высшую ступень отечественной культуры.

Я же, лектор ЦК КПСС, этого не мог понять: так называемая «достоевщина» занимала низшую ступень идейно-художественного, сотворилась Фёдором Достоевским после Пушкина и вместе с Львом Толстым. Великие не одиноки, считал Бертран Рассел. В письме к Наталье Фонвизиной, жене декабриста Михаила Фонвизина (1854 г.), Ф.М. Достоевский признал: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [16, с. 96].

Достоевский заимствовал идеократость, власть истины от любви к Христу. Он знал творчество. Мне же, рупору марксизма-ленинизма, пристало лишь поднимать официальную идеологию.

Однако народные артисты взорвали достоевщину. Я не знал тогда, что в игре О. Борисова и И. Смоктуновского «поднялся» ввысь дух Правды. В своём Третьем послании св. ап. Иоанн рассуждает о соратнике истины.

* * *

Теологии противостоит атеизм. Его явь в России – довольно странный факт. Классик заметил: «Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче, чем всем остальным во всём мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль» [20, с. 546].

Князь Мышкин привязан к родной земле, всем сердцем любит её. Ф.М. Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» серьёзно задавался вопросом: «Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от неё ни за что нельзя, и хоть и оторвёшься, так всё-таки назад воротишься» [18, с. 395].

Вспоминаю посещение Университета в эстонском городе Тарту. Профессор Ю. Лотман открыл феномен русского изоморфа. Отечественным

ликом и подобием является Ф.М. Достоевский. Его гениальнейшая словесность многотомна.

Игорем Волгиным дана верная характеристика. «Достоевский показал предельные возможности человека в самопознании. “Увы, человечество после него не изменилось к лучшему, но, несомненно, стало больше понимать о себе”» [3, с. 14], – считает профессор.

Многие десятилетия нас отделяют от сверхчеловека, которого во время пушкинской речи назвали тем, кем он действительно является: «Пророк». Пророчество подтверждается конкретикой новейшего евангелия, угадывающего священности правильности.

Полувековое раздумье о Ф.М. Достоевском подвело меня к мысли о наименовании его вершинным отечественным диалектиком. Диалектическая теология человечности – его дар Родине. В ней напутствие каждому: чтобы сделаться человеком, надо знать...

«Что хорошо, что худо»?

Ответ мы находим в диалектике Достоевского, которая исследует взаимодействие личного и общественного начал.

Многообразие диалектики жизни нельзя представить без её диады – материальной духовности, без её союза – органичной душевности. Человеческая душевно-духовная телесность безбрежна и как бы растворена в мире культуры.

Личность и культура находятся в теснейшей внутренней связи между собою. Человек и только он творит культуру. В свою очередь цель культуры есть утверждение свободной духовности, воспитание индивидуальности полной ценного содержания. Идея личности и идея культуры, вступая в многообразные и мучительные коллизии, тем не менее, по существу, вытекают из одного нравственного источника. Речь идёт об уважении к душе и духовному творчеству. Они нравственно сплетаются в согласованное культурно-философское мировоззрение. Назвать его можно соборным индивидуализмом.

Мир Достоевского в трёх мирах России?

Почему мир Ф.М. Достоевского возвратился в Россию и продолжает волновать нас? Когда же оправдаются слова Андрея Белого о претворении лозунга Достоевского «буди»?

Достоевский показывает, что освободившимися от всяких этических норм представляются прежде всего те, «...кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее в себе образ Божий» [17, с. 387]. Власть нецивилизованного, кри-

минального, олигархо-кланового капитала, которая установилась в России 90-х гг. XX в., развилась «в болезнь». Продолжим диагноз Достоевского: «Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупить от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развивается загрубелость, разврат, уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления» [17, с. 387]. И тогда, и теперь перед нами реальные телекартины ужасной войны на Украине, то тут же припоминаются не только процитированные слова, но и другое место из «Дневника писателя». Достоевский приходит к ужасному выводу, что «свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке» [17, с. 387], и только «...неравно развиваются звериные свойства человека» [17, с. 387].

Как и в начале XX в., так и в сегодняшнее время встает неизбежный вопрос: «Что же может служить сдерживающим элементом для человека от уродливых отклонений, к которым влечёт его собственная же природа?» [24, с. 303].

В определённой мере одерживает право, страх наказания. Однако часто возникают ситуации крайностей выбора, заключённых в положении Ивана Карамазова о том, что «нет добродетели, если нет бессмертия» [22, с. 80]. Он не оставил себе места для маневрирования в нравственно-правовой сфере. Иван признаёт мораль, которая извлекает силу из веры, но не видит в человеке предрасположения к добру. Не станем сейчас идти в дебри сложнейших переплетений нравственности, веры и права, которые не удерживают человека от отклонений и преступлений. На эту тему «девиации» есть обилие источников. Если же вспомнить персонажей «Братьев Карамазовых», то Иван рассчитывал на государственно-религиозное принуждение и силу отлучения от Христа, а старец Зосима верит в божественный закон, действующий в человеке, и в «...закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести» [22, с. 73].

Если следовать за Зосимой, то надо идти от веры и совести, от возможности человека свободно достигать понимания добра, истины путём собственной совести. Ивану же как раз и недостаёт веры и в человеческую природу, и в её веру в Бога; последняя представляется крайне потрясённой.

Своё отношение к человеку Достоевский выразил в своем «Показании» по первому допросу его о «Деле Петрашевского» в 1849 г. Здесь он писал о том, что каждый человек «...в глубине сердца своего чувствует себя вправе быть гражданином, чувствует себя вправе желать добра своему отечеству, потому что находит в сердце своем и любовь к отечеству, и сознание, что никогда ничем не повредил ему» [13, с. 220].

Достоевский считал, что идеал гражданского устройства в человеческом обществе «...есть единственно только продукт нравственного само-

совершенствования единиц... было так спокон века и пребудет во веки веков» [15, с. 460].

Веру в человека Достоевский сохранил даже на каторге, где видел людей при самых исключительных обстоятельствах. Писатель-узник негодовал по поводу высокомерного отношения к тем, кто хотя и совершил зверские поступки, но смог сохранить общие свойства народа. Из наблюдений над преступниками, приниженными и отверженными отщепенцами общества, он приходит к умозаключению: «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её» [17, с. 346–347]. Продолжение этих слов звучит даже злободневнее, чем тогда: «Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже, утвердительно скажу, – напротив: сами они ещё должны у него поучиться» [17, с. 347].

Во многих случаях Ф.М. Достоевский развивает мысль о необходимости возвращения к народу и к выстраданной им правде жизни. Силы народного начала далеко не растрчены, ибо уходят своими корнями в «почву» и возносятся ввысь «к великим и светлым вещам». Писатель и мыслитель нисколько не идеализировал народное начало, видел различие между «народом» и «простонародием». Первое понятие – носитель «всех сил русского духа» и народного идеала; второе – противоречивая действительность, то, что «народ есть», и те мерзости, которые «он так часто делает». Как выражается человек «из подполья», он хочет «права на хотение» и «самостоятельность хотения», хочу так, хочу иначе, хотя бы против законов рассудка и против собственной выгоды, и против всего... В «Записках из подполья» раскрывается иррациональность природы человека, неразумность и «хотений», и поступков [8].

Что такое народное сердце?

Что же ещё способно удержать человека от уродливых отклонений? Может последовать ответ: образование. Достоевский же на это отвечает: «... образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит, и, как бы вы ни были добры или предубеждены, вы не находите в сердце своём ни извинений, ни оправданий» [17, с. 439]. Даже современное образование, высокочтимое в обществе, не является лучшей меркой для оценивания индивида, свойств его натуры, и того, на что он способен. Кроме образования нужно что-то другое, что мы и ищем по сей день вслед за Достоевским. Его гений указывает на выбор добра, но не зла, хотя более разумным представляется возможность совмещения положительных и отрицательных свойств.

Достоевский подсказывает существенно важное: то, что он назвал «чутьём действительности», способным исправлять разный идеализм и утопизм. Этим «чутьём действительности» парадоксально обладает

религиозная вера в бессмертие души или потребность в нём. Персонажи романа мучаются вопросом: кто же может верить? Возможно ли верить? Ставрогин с Верховенским сходятся в том, что лучше в поисках веры «всё сжечь», ибо «вся сила России временная» и «чтобы была вечная, нужна вечная вера во всё» [24, с. 321]. Другой персонаж – Шатов, признающий и Россию, и народ, и православие, тем не менее только со временем надеется уверовать в истинного Бога.

Наряду со своим отношением к Богу: «хочу верить», выдающийся ум высказал своё отношение и к учениям о социализме и коммунизме, «решительном» и «христианском». В знаменитой речи о Пушкине Достоевским выделены следующие положения: 1) особенная красота в духе народной правды; 2) способность русских людей к «полнейшему перевоплощению в гений чужих наций» [10, с. 130]; 3) разрыв между интеллигенцией и народом; 4) ожидание того, что «нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру» [15, с. 419].

Но именно это «новое слово миру» суждено было высказать гению русского народа. Достоевский представляет удивительное многообразие человеческих типов российского народа. Многие из них – носители своих и общечеловеческих идей: «Бог есть добро»; «Бог есть любовь»; «без веры нельзя жить»; «тайна бытия человеческого» в том, «для чего жить». В своём «Дневнике» писатель записал: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» [14, с. 389]. Достоевский верил в Бога и в бессмертие, чтобы «жить хорошо» и «делать добро», надежда Достоевского на бессмертие его души вполне оправдалась. Относительно будущего своей Родины – России он не сомневался: «Буди». Действительно, поразительное многообразие человеческих типов расцветает.

Мир Достоевского – это постижение российского качества «разъединения и обособления». Он давал ему «...необходимый и правильный вывод. Ибо гениальному уму было дано постичь “две страшные силы” России и её “всецелостность и духовную нераздельность” народа» [15, с. 10].

Спустя три десятилетия после ухода Достоевского из жизни юная Марина Цветаева рассмотрит три мира: на земле, под землей и над землей. Достоевскому удалось открыть новое знание о каждом человеке, живущем земным бытием. И ему дано беспредельное самопознание. Это поисковое самопознание Сократ отождествлял с диалектикой, а Аристотель – с Богом. Вслед за древнегреческими философами Достоевский учит самомышлению, у которого есть Вечность и время.

Диалектический метод после Сократа и Гегеля обогатил русский сверхчеловек Достоевский. Трудясь «по части философии», он заключил её в новизну теологической диалектики. Уместно будет напомнить о том, что нас до сих пор воодушевляют миры диалектики Сократа, Гераклита и Гегеля.

Русское национальное самосознание своей диалектичностью обрело диалектический метод Достоевского на многомерность. Она заключена в его тяжёлом пути от участия в кружке петрашевцев до дружеского общения с К.П. Победоносцевым, от пребываний в домах живых людей до «Мёртвого дома».

При жизни писатель увидел те мгновения, которые стоят всего бытия.

«И неужели сие мечта, чтобы под конец человек находил свои радости лишь в подвигах просвещения и милосердия, а не в радостях жестоких, как ныне, – в объядении, блюде, чванстве, хвастовстве и завистливом превышении одного другим? <...> Твёрдо верую, что нет и что время близко. <...> И сколько же было идей на земле, в истории человеческой, которые даже за десять лет невысказаны были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их, и проносились по всей земле? Так и у нас будет, и воссияет миру народ наш...» [22, с. 356–357].

От «Братьев Карамазовых» исходит совет: «От народа спасение Руси. <...> Берегите же народ и оберегайте сердце его» [22, с. 353].

Народное сердце, по Достоевскому, заключено в триаде души, духа и тела. Душа (душевность) «трёхчастна» – это ум, чувства и воля. Дух (духовность) также содержит «три части» и именно такие: общение, интуиция и совесть к приметам грядущего, созревшего в минувшем.

Эта таинственная связь времён требовала и требует живой памяти о том, что в русско-российском и советских прошлом. Была не только сильная власть и крепкая государственность, была и сердечная гражданственность с великой культурой, органически-исторически вырастали под защитой государя и властителей. Эту связь понимали, каждый на свой лад, самые прозорливые и самые великие русские умы: Пушкин и Достоевский. Для всех россиян она должна была ясно раскрыться в том глубочайшем потрясении, которое русскому народу принесли мировая война и революция 1917 г. Они разрушили русскую историческую идентичность.

Бессмертным душевным духовностям А. Пушкина и Ф. Достоевского это было совсем непонятно. Гении высоко ценили мудрость русского Государя Петра Великого.

Какая идея витает над «Братьями Карамазовыми»?

В поиске ответа на этот вопрос не исчезает из глаз впечатляющая картина П.Н. Филонова (1883–1941). Название шедевра – «Святое семейство», и философ находит в нём удивительную целостность бытия. Почему семья названа святой? Видимо, потому, что она скрывает предназначение жизни, её корень и отрицание в смерти.

Судя по «Дневнику» Достоевского, идея семьи исключительно интересовала его. Семьи есть, но «семейства у нас вовсе нет», – приводит Достоевский возражение М.Е. Салтыкова-Щедрина [14, с. 393]. Ему кажется «ужасным», что молодое поколение «...обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни» [14, с. 393]. Писателю же они ясны: «Семья и наши святыни»; «Дети и детская жизнь». И этим священным ценностям посвящаются многие страницы «Дневника» (1876, 1877).

Спустя два года, а это уже последние годы великого писателя, им создаётся величайшее произведение – роман «Братья Карамазовы» (1879–1880). В нём прояснены грядущие пути духовного развития России. По ним страна должна идти, вспоминая изречения из «Братьев Карамазовых»: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле» [22, с. 358]; «...каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле» [22, с. 183].

Сегодня я задаюсь вопросом: возрождается ли «вера в солидарность людей, в братство их...»? И как можно спрашивать об этом, когда СВО на Украине отрицает былую солидарность и братство?

Эти ценности закрыты чернотой бесчеловечности. Достоевский вопрошал: «Для чего познавать это чёртово добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слёзок ребёнка к “боженьке”. <...> Пока ещё время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка...» [22, с. 272, 275].

Оказывается, надо было сужать чёрную сторону человеческой природы, её демонизм.

От Карамазовых, исключая Алексея, исходит чернота. Тюркское слово «кара», означающее «чёрный», сочетается с русским глаголом «мазать». И действительно, отец, имя рек, измазал своё семейство чёрной краской.

Фёдор Павлович Карамазов был женат два раза. От первого брака появился на свет Дмитрий, от второго – Иван и Алексей. Незаконным сыном был Павел Смердяков. Отцу-старика придётся быть окружённым такими сыновьями. И в итоге он гибнет от руки одного из них. Встают вопросы: кто убил? Кто подготовил душу для отцеубийства? Страстно отвечает на эти вопросы Достоевский. Он обнажает душевно-духовную сущность всех четырёх потомков. Семейство, сыновство и братство связываются в трагический узел философии судьбы.

Отвратный образ Карамазова-старшего стал «родителем» оценочно-негативного определения. Именно от него вспорхнул негативный термин «карамазовщина». Этот термин стал определять крайнюю степень морально-этической безответственности и цинизма: ведь «всё позволено». Нравственный нигилизм составляет сущность мировоззрения и нравов основных персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Впервые сло-

во «карамазовщина» употреблено в самом романе. Ракитин в своём показании в суде презрительно отзывается о «...бестолковой карамазовщине, в которой никто себя не мог ни понять, ни определить» [12, с. 175]. Распространиться в публицистике этому термину способствовал выход статей М. Горького 1913 г. «О карамазовщине» и «Ещё о карамазовщине» [5].

Автор романа с огромной силой высказывает мысли о трагедии красоты, и в частности «о чистой красоте». «Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [22, с. 123].

В наше время не надо сужать человеческую душу. Её следует расширять благодаря восстановлению братского единения людей. Именно идея солидарности витает над трагизмом «Братьев Карамазовых».

От «Бесов» и «бесовства» к современному экстремизму

Так можно обозначить острую проблему политической философии. «Через горнило сомнений» Фёдор Достоевский уходит от себя в молодости, революционера. Неужели потом он резко переменял свой взгляд на понятие «революционер»? «Понятие “революционер”, если не иметь в виду “революцию духа”, на мой взгляд, – считает Игорь Волгин, – Достоевскому мало подходит, хотя он думал о серьёзных политических преобразованиях. Он хотел бы искоренить “важные пороки” России: крепостничество, бюрократию, деспотизм. Достоевский не мог примириться с социальным неравенством» [3, с. 14].

Весьма любопытно, что в конце 60-х гг. XIX в. Достоевский увлёкся злободневной проблемой зависти и даже написал на эту тему план одноимённого романа. Но вместо «Зависти» разработал другие сюжетные узлы «Жития великого грешника». У самого романиста житие проходило в Твери, а в романе «Бесы» действие происходит в губернском городе.

Последний феномен дал повод описать иронично «административный восторг». Это выражение означало упоение своей властью. В романе «Бесы» (1871) говорится:

- Вам... без всякого сомнения, известно... что такое значит русский администратор внове, то есть нововыпеченный, новопоставленный... <...> Но вряд ли могли вы узнать практически, что такое значит административный восторг и какая именно эта штука?
- Административный восторг? Не знаю, что такое.

– То есть... Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтёт себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдёте взять билет, pour vous montrer son pouvoir. «Дай-ка, дескать, я покажу над тобой мою власть...» И это в них до административного восторга доходит... [21, с. 55].

У Ф.М. Достоевского было намерение соединить российскую власть с нравственными ценностями. Властителям не были чужды идеалы правды и добра, им, возможно, удался бы вполне человеческий образ. Он, благоприятный облик, мог бы закрыть реальную картину существенных перемен. Однако Вызов революционных преобразований качнулся к своей крайности.

Некто Сергей Нечаев презрел проповедь Михаилом Бакуниным неорганизованного благородного разбоя. Он предложил публике настоящую апологию и организованную модель убийства. В нечаевском «Катехизисе революционера» была провозглашена необходимость уничтожать людей, «...особенно вредных для революционной организации, и таких, внезапная и насильственная смерть которых может нанести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу» [29]. Нечаев классифицировал людей в зависимости от их роли в рамках революционной концепции. Он выделил категорию, подлежащую немедленному уничтожению. Таковой он считал представителей власти. Выделено было также несколько других, которые можно использовать для слома существующего социального строя. Фанатик представил портрет настоящего революционера: ему надлежало порвать с цивилизованной жизнью и её нормами; с чувствами чести, дружбы, любви и благодарности. Нечаевец не должен знать жалости и сам ни от кого не должен ждать её. Революционер преследует одну цель – разрушение, и оно поэтому из всех наук ему только полезно.

Нечаев послужил прототипом Петра Верховенского в «Бесах» Достоевского. В конечном итоге он был мало похож на персонажа, который считал убийство самым главным оружием революционного проекта.

Достоевскому удалась картина революции, совершённой без Бога.

Фигура Нечаева стала источником вдохновения для Достоевского, набросавшего его портрет в «Бесах» в образе Верховенского, одного из организаторов убийства Шатова, копии студента Иванова. Само произведение явилось пророческим, было прообразом будущей революции в России. Шигалев обещает «рай земной, другого которого нет на всём белом свете» [25]?

Интерес, который питал Достоевский к Нечаеву и его преступной фигуре, проявляется и в «Преступлении и наказании». В этом произведении, наряду с «Бесами», будто нащупывается скрытая связь, неразрывно соединяющая власть с политическими убийствами.

«Топор» станет символом «Русской беды», который противопоставляется другому символу – «Иконе». Философам есть над чем серьёзно размышлять, имея перед собою картину, название её – «Икона и топор». Масштаб экстремизма в XX–XXI вв. колоссален. О необходимости борьбы с ним напоминает позиция Достоевского, направленная против террора, который не имеет никаких оправданий. Актёр Евгений Миронов, выступивший на телеэкране в роли Достоевского, верно определил Достоевского-художника: «Всё, что с ним происходило, всё бросалось в эту топку, топку горящей его души!».

Какая идея уже созрела в духе Фёдора Достоевского?

Слово «идея» само по себе – самое любимое Ф.М. Достоевским. В ряде философских словарей приводятся даже подсчёты по этому поводу. Но для самого классика важнее всего был поиск. «Основная идея всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность её исполнения...» [11, с. 69]. Такой идеей, по новейшему завету, является кредо Христа: «Сотвори всё новое».

Как и все классики русской литературы, Ф.М. Достоевский был озабочен мировоззренческими вопросами. Они обладали предельными свойствами, которые выходят к последним обоснованиям жизни человека. Речь идёт о сакральных целях человеческого существования. Классик современной филологии С.Г. Семёнова (1941–2014) сформулировала эту высоту в тезисе о бессмертии [32]. Напряжённая работа «выносила» Достоевского к жизни, хотя «трудно было быть более в гибели...» [27].

Гораздо ниже бессмертия опустилась в глазах писателя идея свободы, которую опошлили либералы. В «Бесах» (1872) говорится: «Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» [21, с. 133]. Сапоги чистят начальствующим. А власть, по Достоевскому, «...даётся только тому, кто посмеет наклониться и взять её» [19, с. 396].

В этом романе бал ведут деньги. В «Записках из Мёртвого дома» (1860) автор резюмирует: «Как никогда Россия нуждается в нравственном радикализме. Морально-этическому началу пора встать с колен». Пришло время востребовать программу нравственного радикализма Ф.М. Достоевского. Его план духовного обновления России превосходил тогда и превосходит сегодня самые либеральные мечты. Преобразить мир должна правда Христа, творящая всё новое. Лично мне трудно понять, почему Синод РПЦ более ориентирован на догматику христианства, чем на инновационный зов «Спасителя» [28].

Трудно было понять, почему двойственность «священного» диалектика воплотила в противостоянии атеиста В.Г. Белинского и Ф.М. Достоев-

ского. Второй вспоминал первого в Дневнике (1873): он «ругал мне Христа по-матерному».

Достоевский, будучи великим диалектиком, догадывался о двойственности «священного». В науке оно было раскрыто гораздо позже французским лингвистом Эмилем Бенвенистом. Один аспект священного исполнен «божественной силы», другой запрещен [1, с. 359]. Одно позволено свыше делать, другое нет.

Фёдору Достоевскому пришлось на своём жизненном опыте преодолевать негатив [31]. Упомянем игру в карты и греховное прельщение Николаем Ставрогиним (Н.А. Спешневым).

В лике Абсолюта Ф.М. Достоевский видел Того, Кто всё ближе и ближе приближает Россию к справедливости. Об этом он поведал в легенде об Инквизиторе. Она призывает россиян расстаться с искусством всеобщего обмана, поставленного ныне профессионально, на широкую ногу.

Философия диалектической теологии, которую разработал Достоевский, во главу угла поставила человека – представителя народа. Но отчего они сегодня молчат? Чего остерегаются? «Буди, Буди Россия!» – призывает Достоевский.

Необходимо глубинное знание

Новейший (третий) завет – всё ещё гипотеза? По моему убеждению, наша Родина живёт не только по двум Заветам – Ветхому и Новому, но и по новейшему. О нём всенародно заявил великий князь Александр Невский, который отождествил Бога и Правду.

Правда, по Достоевскому, это «жизнь жизни». И идеал жизни Христа преобразует действительность и должен правильно преобразить мир. Христова сила преодолевает такое сильное «...отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе» [22, с. 616]. У прогрессивного мыслителя не было фанатичной веры («Не как дурак же, фанатик, я верую в Бога»). Верно замечено И. Волгиным: «Сила отрицания – один из могучих движителей его творчества» [3, с. 18].

Этот движитель абсолютно отрицал Смердякова и смердяковщину.

Один из героев романа «Братья Карамазовы» Смердяков – побочный сын и слуга Ф.П. Карамазова. Его образ отталкивает сочетанием физического, нравственного и религиозного вырождения. Он, будучи униженным своим рабским положением в доме Карамазовых, превратился в труса и тайного завистника. Он усваивает credo Ивана Карамазова («всё позволено») и убивает ради денег своего отца. У Смердякова уверенность, что он не будет нести ответственности за убийство, которое ходом обстоятельств должно быть приписано Дмитрию Карамазову.

Не в силах преодолеть ужас, охвативший его во время убийства, он накладывает на себя руки. Даже перед самоубийством Смердяков не раскрывает суду правду: Дмитрий Карамазов не виновен.

В акте человеконенавистничества имеет место месть Смердякова обществу, в котором он всегда чувствовал себя чужаком и обойдённым. Имя Павла Смердякова предстаёт нарицательным для людей этого типа. Смердяковщина стала названием мироощущения «подонков». Вызванное им поведение растленных людей, подобных Смердякову, повторяется вновь и вновь.

Сакральный мир Достоевского – это целостная священная реальность, в которой константы – этические и эстетические – взаимодействуют друг с другом. И в их связи крепкое «ядро» держит всё. Даже мир денег.

* * *

«Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишённого совершенно свободы, они дороже вдесятеро» [17, с. 219].

Достоевскому было ясно: «Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами...» [6, с. 552].

В наше время пристало много рассуждать о «жажде личного накопления». У многих «денежных мешков» патология жадности в наши дни зашкаливает.

Почву для патологического бесовства готовили и готовят воинствующие идеалисты и атеисты. Дуализм этих двух ипостасей воплощён Достоевским в образе «Великого инквизитора».

Достоевский передаёт нам дерзновенное убеждение в том, что, веруя в своё бессмертие, человек постигает разумную свою цель – сотворчество в новизне, в непрерывном обновлении действительности.

Цели и идеи у Достоевского менялись, но сердце оставалось одно. Он был в постоянном диалоге с Христом, сердечно переживал новейший завет. Подтверждения этому я нахожу у Н.А. Бердяева [2] и И.А. Волгина [4].

Образованное общество нуждается в глубоких знаниях об изоморфе человечества Ф.М. Достоевского. Всем нациям русский гений завещал своё сакральное Послание. Оно может положить конец «опустошению человека», о котором говорит Х. Арндт. «Бесы» и «Смердяковы» могут отойти в область прискорбных фактов истории минувшего. Вместо них – новизна фактов справедливости.

«Дневник» не перестаёт притягивать к себе. «...Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал...» [6, с. 499].

Почему вершинная диалектика Достоевского не потрясает наши умы? Ведь только она может помочь приблизиться к пониманию жизненного

трагизма отечественной истории. Достоевский следовал завету Гёте: «Познавать постижимое и тихо почитать неисповедимое». И я поступаю так же.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс: Универс, 1995. 452 с.
2. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с.
3. Волгин И. «Через горнило сомнений». Как менялись политические взгляды писателя? // Историк. 2021. № 10 (82): Достоевский. Самый сложный русский классик. С. 14–21.
4. Волгин И.Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. СПб.: Нестор-История, 2019. 736 с.
5. Горький М. О «карамазовщине»; Ещё о «карамазовщине» // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия: 1907–1928. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 146–157, 538–540.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Сост., коммент. А.В. Белов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасов. М.: Современник, 1989. 555 с.
8. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4: Униженные и оскорблённые. Повести и рассказы. 1862–1866. Игрок. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. С. 452–550.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1976.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1977, сентябрь–декабрь – 1880, август. М.; Л.: Наука, 1984. 518 с.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 24: Дневник писателя 1876. Ноябрь – декабрь. Л.: Наука, 1982. 520 с.
12. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 10: Братья Карамазовы. Часть IV. Эпилог. Незаконченные повествовательные произведения. Стихотворения и стихотворные наброски. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1994. 447 с.
13. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник писателя. 1873. Статьи и очерки, 1873–1878. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1994. 412 с.
14. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13: Дневник писателя. 1876. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1994. 541 с.
15. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14: Дневник писателя. 1877, 1880, август 1881. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1995. 783 с.
16. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15: Письма. 1834–1881. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1996. 861 с.
17. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3: Село Степанчиково и его обитатели. Записки из Мёртвого дома. Петербургские сновидения в стихах и прозе. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 573 с.
18. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4: Униженные и оскорблённые. Повести и рассказы. 1862–1866. Игрок. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 781 с.
19. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5: Преступление и наказание. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 573 с.

20. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6: Идиот. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 669 с.
21. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7: Бесы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 845 с.
22. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9: Братья Карамазовы. Части I–III. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. 696 с.
23. Историк. 2021. № 10 (82): Достоевский. Самый сложный русский классик. 80 с.
24. История русской литературы XIX века: в 5 т. Т. 4 / Под ред. Д.Н. Овсяно-Куликовского. М.: Мир, 1910. 375 с.
25. Каррер д'Анкосс Э. Александр II. Весна России / Пер. с фр. А.А. Пешкова, А.Ю. Петрова. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 415 с.
26. Каррер д'Анкосс Э. Русская беда: эссе о политическом убийстве / Пер. с фр. Л.Ю. Панфиной. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 527 с.
27. Карякин Ю.Ф. Достоевский. Очерки. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/biography/033/02/> (дата обращения: 15.10.2023).
28. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. М.: Молодая гвардия, 2019. 656 с.
29. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
30. Патриарх Тихон. Россия в проказе. М.: Лодья, 1998. 128 с.
31. Сараскина Л.И. Фёдор Достоевский. Одоление демонов. М.: АО «Согласие», 1996. 460 с.
32. Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект: Парадигма, 2016. 890 с.

REFLECTIONS

Petr Simush

DSc in Philosophy, Professor,
Senior research fellow. RAS Institute of Philosophy.
12/1 Gonchamaya Str., Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: simush@inbox.ru

THE VERTEX DIALECTIC OF F.M. DOSTOEVSKY: WHAT KIND OF MAN IS CALLING OUT NOW?

The article presents the concept of humanity within the framework of F.M. Dostoevsky's dialectical theology. It reveals man's action either good or bad and is addressed to the Absolute demanding the rightness of choice.

Keywords: F.M. Dostoevsky, humanity, Absolute, isomorphic idea of Russia, dual nature of the sacred, atheism, sacral function of correctness, choice, human nature, dialectical theology of humanity

References

1. Benveniste, E. *Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms], ed. Yu.S. Stepanov. Moscow: Progress Publ., Univers Publ., 1995. 452 pp. (In Russian)
2. Berdyayev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2019. 560 pp. (In Russian)
3. Carrere d'Encausse, H. *Aleksandr II. Vesna Rossii* [Alexander II. Spring of Russia], trans. A.A. Peshkov, A.Yu. Petrov. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2010. 415 pp. (In Russian)
4. Carrere d'Encausse, H. *Russkaya beda: ehsse o politicheskom ubiistve* [The Russian Trouble: an Essay on Political Assassination], trans. L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2010. 527 pp. (In Russian)
5. Dostoevsky, F.M. "Zapiski iz podpol'ya" [Notes from the Underground], in: F.M. Dostoevsky, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 4. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1989, pp. 452–550. (In Russian)
6. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelya* [Writer's Diary], ed. O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2010. 880 pp. (In Russian)
7. Dostoevsky, F.M. *Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. 555 pp. (In Russian)

8. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 30 vols. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1976. (In Russian)
9. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 30 vols., Vol. 26. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1984. 518 pp. (In Russian)
10. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], in 30 vols., Vol. 24. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 520 pp. (In Russian)
11. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 10. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1994. 447 pp. (In Russian)
12. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 12. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1994. 412 pp. (In Russian)
13. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 13. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1994. 541 pp. (In Russian)
14. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 14. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1995. 783 pp. (In Russian)
15. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 15. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1996. 861 pp. (In Russian)
16. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 3. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1988. 573 pp. (In Russian)
17. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 4. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 781 pp. (In Russian)
18. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 5. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 573 pp. (In Russian)
19. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 6. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 669 pp. (In Russian)
20. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 7. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1990. 845 pp. (In Russian)
21. Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 15 vols., Vol. 9. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1991. 696 pp. (In Russian)
22. Gorky, M. “O “karamazovshchine”; Eshche o “karamazovshchine”” [About “Karamazovshchina”; More about “Karamazovshchina”], in: M. Gorky, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 30 vols., Vol. 24. Moscow: State Publishing House of Fiction Literature Publ., 1953, pp. 146–157, 538–540. (In Russian)
23. *Istoriik* [Historian], 2021, No. 10 (82), Dostoevsky. The most complex Russian classic, 80 pp. (In Russian)
24. *Istoriya russkoi literatury XIX veka* [History of Russian Literature of the XIX Century], Vol. 4, ed. D.N. Ovsyano-Kulikovsky. Moscow: Mir Publ., 1910. 375 pp. (In Russian)
25. Karyakin, Yu. F. *Dostoevskii. Ocherki* [F. Dostoevsky. Essays], [<https://fedordostoevsky.ru/research/biography/033/02/>, accessed on 15.10.2023]. (In Russian)
26. Metropolitan Hilarion (Alfeyev). *Iisus Khristos* [Jesus Christ]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2019. 656 pp. (In Russian)
27. Nechaev, S.G. *Katekhizis revolyutsionera* [Catechism of a Revolutionary], [<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm>, accessed on 15.10.2023]. (In Russian)
28. Patriarch Tikhon. *Rossiya v prokaze* [Russia in Leprosy]. Moscow: Lod'ya Publ., 1998. 128 pp. (In Russian)
29. Saraskina, L.I. *Fedor Dostoevskii. Odolenie demonov* [Fyodor Dostoevsky. Defeating Demons]. Moscow: Soglasie Publ., 1996. 460 pp. (In Russian)

30. Semenova, S.G. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: Ot poehtiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the XIX–XX Centuries: From Poetics to World Outlook]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., Paradigma Publ., 2016. 890 pp. (In Russian)

31. Volgin, I. “Cherez gornilo somnenii”. Kak menyalis’ politicheskie vzglyady pisatelya?” [“Through the Crucible of Doubt”. How Did the Writer’s Political Views change?], *Istoriik*, 2021, No. 10 (82), pp. 14–21. (In Russian)

32. Volgin, I.L. *Nichei sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Nobody’s Contemporary. The Four Circles of Dostoevsky]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 736 pp. (In Russian)